

*Джону — за твою любовь и поддержку
Моей семье, всем близким и дальним,
которые мне так дороги*

Глава 1

*Блумсбери, Лондон
Апрель 1877 года*

Саймон Марлтон, виконт Адлер, вытянулся на кровати рядом со своей любовницей. Кокетливо улыбнувшись, Вивиан раскинула рыжие волосы по белой шелковой наволочке и выгнула спину, привлекая его внимание к своему телу, хорошо видимому сквозь тонкий пеньюар.

Предполагалось, что это движение возбудит его. Но ничего не произошло. Саймон знал, что последует дальше.

— Кого мы будем изображать сегодня? — спросила Вивиан, ведя пальчиком по его обнаженной груди до пояса штанов. — Ромео и Джульетту или Антония и Клеопатру? Можем побыть порочными и инсценировать «Вампира». Ты будешь кровожадным властелином, а я бедной молочницей, которую ты соблазнил в лесу.

Саймон стиснул зубы. Он от души сожалел о том, что взял в любовницы актрису, тем более временно оставшуюся без работы. Лучше бы выбрал танцовщицу, какую-нибудь гибкую женщину, не испытывающую необходимости режиссировать каждую их сексуальную встречу или придумывать сюжеты, которые заканчиваются смертью. И уж точно не ту, кто во время оргазма кричит: «Бис! Бис!»

Еще одна ночь с Вивиан, и он сыграет Кассия, бросившегося на меч.

— Когда у вас начинаются репетиции новой пьесы в театре «Лицеум»?

Она накрутила на пальчик свой локон и надула губки.

— Сэр Генри хочет ставить «Гамлета». В нем мало достойных женских ролей, хотя из меня получилась бы замечательная Офелия. — Она села и драматически раскинула руки. — О, что за гордый ум сражен...

— Когда начнут? — спросил Саймон.

— Только через несколько месяцев. Я от скуки сойду с ума.

Она театрально прижала ладонь тыльной стороной ко лбу и опустила на подушки.

«Боже милостивый, несколько месяцев!»

Саймон с трудом подавил стон.

Вивиан приподнялась на локте и взяла с прикроватного столика бокал с кларетом.

— Адлер, почему бы тебе не пригласить нескольких гостей в твой загородный дом? Мы бы могли поставить небольшой спектакль.

Уж лучше наестся помоев для свиней. До чего глупо было думать, что общество актрисы поможет развеять хандру, терзавшую его в последнее время! Может быть, небольшая разлука с Вивиан представит ее в более выгодном свете?

— Как насчет отдыха в Париже? — спросил он.

Она села так резко, что расплескала вино. Красные капли заблестели на девственно-белом покрывале. Она потерла их краем своего прозрачного одеяния, втерев красное вино в покрывало.

— Какая прелесть! Когда мы поплывем?

«Мы? Боже праведный, нет!»

Он спрыгнет с корабля раньше, чем они увидят землю.

— У меня в городе есть неотложные дела.

— Я могу подождать, чтобы мы отправились во Францию вместе. На корабле ты сможешь сыграть Чер-

ную Бороду, а я — благородную даму, которую ты похитил.

На его щеке дернулась жилка.

— Нет.

— Красную Бороду?

— Мне кажется, есть корабль, который отплывает из Дувра завтра, — произнес он, игнорируя ее предложение.

— Завтра? — между тонкими бровями появилась небольшая морщинка.

— Да, и в Париже ты сможешь немного походить по магазинам. Посети того модельера, Чарлза Уорта*, он сейчас очень популярен. Купи себе несколько платьев.

Ее карие глаза широко распахнулись.

— Платьев?

— Да. Утром моя карета первым делом отвезет тебя на вокзал Виктория.

Эмма Траффорд тихонько постучалась в комнату сестры и приоткрыла дверь. Одинокая свеча на прикроватной тумбочке слабо освещала темное помещение. Двенадцатилетняя Лили в белой хлопковой ночной рубашке стояла у окна, и казалось, ее худенькое тело и светлые волосы поглощают лунный свет.

— Лили? — прошептала Эмма.

Охнув, девочка резко повернулась, спрятав за спину театральный бинокль.

«Ах ты, маленькая негодница!» Да если та сплетница, что живет через дорогу, заметит, что Лили за ней шпионит, весь Блумсбери будет об этом знать еще до того, как рассветет!

— Ты следишь за миссис Дженкинс?

* Чарлз Фредерик Уорт (1825—1895) — французский модельер английского происхождения, основатель дома моды House of Worth, один из первых представителей высокой моды.

— Вовсе нет. Можно умереть от скуки, весь день глядя, как она клюет носом.

Эмма с облегчением выдохнула и выглянула в окно. Небо Лондона не было затянуто извечным туманом. Может быть, Лили решила предаться более интеллектуальным занятиям?

— Ты наблюдала за созвездиями?

— Э-э... ну да, за звездами. — Лили прикусила нижнюю губу. Однажды, когда они постареют и поседеют, Эмма расскажет своей сестренке, что та всегда прикусывает нижнюю губу, когда врет.

— Ничего подобного. Признавайся.

Лили, стоявшая босиком, переминалась с ноги на ногу. Даже в таком тусклом свете Эмма видела два алых пятна на фарфоровых щечках сестры.

— Я наблюдала за женщиной, которая недавно вселилась в дом рядом с миссис Дженкинс. Ты ее видела? Она примерно твоего возраста, может, чуть старше. Носит шляпки с перьями и платья с огромными турнюрами. Поздно ночью к крыльцу подъехала красивая карета, и очень высокий джентльмен вошел в дом.

— Ты за ними шпионила? — Эмма изо всех сил старалась не завопить пронзительно.

— Ну, сегодня они не закрыли ставни, и мне стало любопытно.

Эмма ахнула:

— Лили, это неприлично!

— Ха! Если ты думаешь, что я веду себя неприлично, посмотрела бы ты на них. Хочешь знать, в чем они легли в кровать?

Эмма хотела, но прежде, чем она успела солгать и сказать «нет», сестренка уже на всех парусах неслась вперед.

— Женщина нацепила ночную рубашку, которая едва ей грудь прикрывает. А на дяденьке... ну, на нем остались только подштанники. — В голосе Лили звучали шок и возбуждение.

— О боже мой! — Эмма метнулась к сестре, протянув руку. — Лилиан Мэри Траффорд, отдай мне бинокль. Немедленно!

Лили выпятила нижнюю губу, но бинокль отдала.

— Эм, у этого дядьки руки толстые, как на картине Тициана про Марса. И у него самый большой...

Эмма закрыла рот сестренки ладонью. Она не знала, что Лили собиралась сказать, но этот ребенок проводит слишком много времени в библиотеке, рассматривая художественные альбомы, посвященные эпохе Ренессанса, и Эмма боялась, что интерес Лили подогревается вовсе не любовью к искусству.

— Больше ни единого слова. — Эмма убрала руку.

— Но он совсем не похож на старого мистера Пибоди, когда тот выпивает слишком много пунша на рождественском приеме у миссис Грин и снимает рубашку и штаны. — Лили чуть подалась к сестре и заговорила приглушенным голосом: — Он скорее похож на изображения голых мужчин на потолке в Сикстинской капелле. Но больше. И мощнее.

«Ой, мамочки!» Эмма старалась прогнать сладострастные образы, пытавшиеся пробраться в ее сознание.

— Не веришь мне, посмотри сама. — Лили, сияя глазами, показала на окно.

Соблазн присоединиться к сестренке в этом греховном занятии так и манил Эмму. Она никогда не видела мужчину в одних подштанниках. Ну, за исключением мистера Пибоди, но его тощее телосложение и тонкие, как карандаши, ноги ни в малейшей степени ее не впечатляли. А тот единственный случай близости... этот сокрушительный провал она вспоминать не желала.

Эмма положила бинокль на прикроватный столик и задернула шторы.

— Забирайся под одеяло и пообещай мне, что ты больше не будешь подглядывать за соседями. Особенно за *этими* соседями. — Она подтащила сестренку к кровати.

Насупившись, Лили залезла под одеяло и скрестила на груди руки.

— Обещаю.

Эмма поцеловала девочку в щеку.

— Сладких снов, моя дорогая, и не забудь задуть свечку сразу же, как только я закрою дверь.

Эмма пересекла коридор, скользнула в свою спальню и тихонечко подошла к окну. Задержала занавески, при этом кольца на палке загремели. Не в силах удержаться, она чуть раздвинула шторы и выглянула наружу. Дом через дорогу пылал всеми окнами, как маяк в кромешную ночь. Новые соседи определенно не нуждались в деньгах.

Она отошла от окна, переделалась в белую ночную рубашку и устроилась в кровати с томиком стихов Теннисона.

Полчаса спустя Эмма все еще невидящим взглядом смотрела на открытую страницу. Вряд ли человек из дома напротив сложением напоминает обнаженные фигуры Микеланджело. Мужчины, подобные им, существуют только в воображении художников. Она отложила книгу и вывернула фитиль в лампе, погрузив комнату во тьму.

Бум! Дверь в спальню с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

— Эм! — Обезумевший голос Лили разрезал темноту, как столб света.

С колотящимся сердцем Эмма резко села в постели.

— В чем дело?

Лили кинулась к ней, ее бледное лицо освещалось свечой под колпаком, которую она держала в руке.

— Ты должна позвать констебля!

— Что случилось? — Эмма откинула одеяло.

Свободная рука сестренки затрепетала.

— Тот дядька. Я... я думаю, он убил женщину. Он разорвал на ее теле ту тонкую ткань, потом залез под простыню и улегся на нее сверху. Ее голова моталась

из стороны в сторону, пока он... О, это было ужасно. А потом она просто лежала там, не шевелясь, глаза закрыты, на застывшем лице странное выражение. *Она мертвая!*

Эмма частенько думала о слиянии мужчины и женщины — сравнивала это с тем, что знала сама. После того единственного случая у нее все болело, она стыдилась, чувствовала себя опозоренной и обесчещенной. Но иногда она воображала, как муж нежно снимает с жены одежду в темноте. Или же они решаются оставить гореть одну свечу. Но она никогда не представляла себе, что это происходит при полном свете. Возможно, ей не хватает воображения.

— Эм!

Голос Лили вырвал Эмму из этих ужасных мыслей.

— Лили, ты мне обещала, что не будешь за ними подглядывать.

— Знаю, но...

Эмма перекатилась на другую половину матраса и приподняла одеяло.

— Забирайся в постель.

У сестренки распахнулся рот.

— Ты что, не позовешь констебля?

Эмма вздохнула.

— Дорогая моя, иногда женатые мужчина и женщина занимаются у себя в спальне такими вещами, за которыми двенадцатилетние девочки подглядывать не должны. Они... они играют в игры.

— Это была никакая не игра! Игра — это жмурки или двадцать вопросов! А это был грех! Убийство! В точности как убийства, которые расследует инспектор Персиваль Уитли!

У Лили было богатое воображение, а эти низкопробные книжонки про инспектора Уитли из Скотленд-Ярда отнюдь не улучшали ситуацию.

— Забирайся в постель, — повторила Эмма. — Я уверена, что это была игра.

Поставив свечу на прикроватный столик, Лили легла рядом с ней.

— Если это развлечения для женатых людей, я останусь старой девой. — Лили под простыней вцепилась в руку Эммы. — Ты поэтому не вышла замуж за Чарлза? Потому что знала, что, когда вы поженитесь, тебе придется заниматься такими неприличными вещами?

В груди у Эммы все сжалось, ее опять охватил стыд. Чарлз попросил ее руки три года назад, на ее двадцать первый день рождения, через неделю после смерти папы. Она позволила Чарлзу убедить ее, что им не обязательно дожидаться святости брака, чтобы слиться воедино. Он признавался ей в вечной любви и говорил, что больше не может ждать. Если он не сможет заняться с ней любовью прямо сейчас, то просто сойдет с ума, утверждал он.

Три дня спустя он явился с визитом и сообщил, что его отец против их помолвки. Какой душой она была, думая, что сын барона женится на девушке много ниже его по положению, особенно на портретистке, не имеющей денег!

— Мы поняли, что не подходим друг другу, — сказала Эмма, стараясь избавиться от чувства вины за свое безрассудное поведение.

— Я рада, — Лили придвинулась к ней ближе, — потому что мне даже думать противно, что тебе пришлось бы играть в такие отвратительные игры.

Чарлз женился в прошлом году на дочери графа, и сейчас его жена ходила с большим животом. Эмма смахнула слезинки, скопившиеся в уголках глаз. Глупо лить слезы. Ей не нужен ни Чарлз, ни любой другой мужчина. Если она продаст достаточное количество портретов, то сможет содержать и себя, и сестру с братом.

Выдав улыбку, Эмма подоткнула одеяло под плечи сестренки и поцеловала ее в щеку.

— Спокойной ночи, моя милая.

Ранние солнечные лучи светили в окна утренней гостиной, оживляя полинявшие голубые стены. Эмма сидела у своего секретера, просматривая счета. Когда она закончит портрет миссис Нейплз, у нее окажется почти вся сумма, необходимая, чтобы заплатить за школу-пансион Майкла, да еще останется, чтобы расплатиться с торговцем углем. А вот на жалованье миссис Флинн уже не хватит. Экономка продолжала работать на них, хотя Эмма недоплачивала ей много месяцев. Несмотря на вечное ворчанье и хмурость, миссис Флинн обладала мягким сердцем и любила их, как родная мать.

Двойные двери распахнулись, и в комнату ворвалась Лили все с тем же драматическим видом, что и ночью.

— Я же говорила тебе, что тот дядька убил женщину с рыжими волосами!

Лили схватила Эмму за руку и поволокла ее через всю комнату.

— Не желаю больше слышать ни слова об убийстве.

Эмма уперлась пятками в протертый ковер. Сестренка топнула ногой и показала на окно.

— Сама посмотри!

Головная боль, начавшаяся, когда Эмма только взглянула на счета, усилилась. Она прижала пальцы к вискам.

— Я требую, чтобы ты прекратила подглядывать.

— Но инспектор Уитли говорит, что всегда нужно тщательно искать зацепки, потому что они обязательно помогут изобличить преступника.

При упоминании об инспекторе Эмма постаралась не возвести глаза к небесам. Положив руку на оконный переплет, она выглянула наружу. На той стороне улицы двое крепких мужчин ставили на телегу большой сундук.

— И что именно я должна тут увидеть?

Лили застонала.

— Ты что, не понимаешь? Труп женщины засунули в этот сундук!

— Ты этого не знаешь.

— А что же, по-твоему, это еще?

— Возможно, они разбирают чердак.

Высокий широкоплечий джентльмен, одетый в темно-синий сюртук и с цилиндром на голове, вышел из дома.

— Это он! — Лили стиснула руку Эммы с такой силой, что наверняка останутся синяки.

Джентльмен снял шляпу и провел рукой по блестящим черным волосам.

Лили тепло дышала в шею Эммы.

— Преступники всегда темноволосые и выглядят опасными. А если этот дядька не выглядит подлецом, то я даже не знаю, что еще про него можно сказать.

Эмма сглотнула. *Она* бы сказала, что он красавчик. Идеальная модель для рисования. Лицо сплошь состоит из жестких углов. Подбородок сильный и решительный. Нос точеный. Он напомнил ей пантеру, которую она видела в зоосаду Риджентс-парка. Изумительная, но если бы кому-то хватило дурости попробовать ее погладить, этот человек наверняка остался бы без руки.

Она перевела взгляд с его широких плеч на сундук. И вправду достаточно большой, чтобы спрятать в нем женское тело. «Да что ж такое!» Она позволяет воображению Лили устроить хаос у себя в голове.

— Я не буду выдвигать против него никаких обвинений. — Он выглядел не просто опасным, но еще и богатым — человеком, финансово вполне способным погубить их, если они его дискредитируют. — У тебя нет доказательств.

— Доказательств? Я же говорила тебе, что видела ночью. А теперь сундук. Какие еще доказательства тебе нужны?

— А я тебе говорила...

— Да, да, игра. Какая чушь!

Тут кучер телеги громко приказал лошадям двигаться, и они снова прильнули к окну. Теперь возле дома стояла еще и закрытая карета с желтыми колесами.

— Видишь, — сказала Эмма, показав на красивый экипаж. — Женщина, вероятно, внутри.

Лили начала грызть ноготь на указательном пальце.

— Если бы ты со мной не спорила, я могла бы что-нибудь увидеть. Сбегаю-ка я на улицу и загляну в карету.

Эмма схватила сестренку за руку.

— Ты не сделаешь ничего подобного. Кроме того, они уже поехали.

Лили вырвала руку и прижалась носом к стеклу.

— Проклятье! Но я-то знаю, что видела, и докажу тебе это.

Глава 2

Эмма макнула кисть в лазурную краску на палитре и легонько прикоснулась к холсту. Затем отступила на шаг и оценивающе посмотрела на свою работу. Портрету миссис Нейплз и ее пса, Альфреда, требовалось еще несколько штрихов. Капелька белого, чтобы выделить, мазок серого, чтобы затенить, и картина будет готова.

К счастью, вдове и ее мопсу больше не требовалось позировать Эмме. Миссис Нейплз верила, что Альфред — реинкарнация ее покойного мужа. Эмме хотелось верить, что если это правда, то мистер Нейплз обладал куда лучшими манерами, чем его тезка, самое напыщенное и глубоко страдающее от метеоризма животное, какое Эмма имела неудовольствие знать.

Высокие напольные часы на площадке второго этажа пробили двенадцать раз, и этот бой эхом отдался во всем доме. Подавив зевок, Эмма потерла глаза с отяжелевшими веками.

Полночь.

Глупо продолжать, когда от усталости руки и ноги словно налились свинцом, а керосиновые лампы почти догорели. Она положила кисть на палитру и взяла намоченную скипидаром тряпку, чтобы отмыть краску с инструментов и пальцев. Хвойный аромат ударил